Фомин

СТЕНЬКА
РАЗИН

IV

Е 12/61

СТЕНЬКА РАЗИНЪ.

Е 12/61

СТЕНЬКА РАЗИНЪ.

Историческая повѣсть,

ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ЦАРСТВОВАНІЯ

ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА,

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

СОВРЕМЕННЫХЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ АКТОВЪ
И ГРАМАТЪ.

Соч. Николая Ѳомина.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,
при Императорской Медико-Хирургической Академіи.

1836.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Апрѣля 29-го дня 1835 года.

Цензоръ Дмитрій Перевощиковъ.

2007113187

Предисловіе.

Въ нашъ вѣкъ историческихъ романовъ, повѣстей и записокъ (Mémoïres), всякое изысканіе и изслѣдованіе историческаго явленія, почему либо замѣчательнаго, заслуживаетъ особенное вниманіе. Современники убѣдились наконецъ, что самыя важнѣйшія событія міра происходятъ часто отъ причинъ, весьма незначительныхъ. По этой причинѣ, нынѣ стараются изслѣдовать и опредѣлить историческіе факты съ малѣйшими, тончайшими подробностями, дабы будущій прагматическій историкъ могъ найдши уже совершенно приготовленные матеріалы, богатые и разнообразные, полные и вѣрные, безпристрастные и очищенные строгою историческою критикою отъ прибавокъ безполезныхъ, отъ измѣненій вредныхъ и лживыхъ.

Избравъ предметомъ повѣсти моей жизнь Стеньки Разина, опаснаго въ свое время

разбойника Волжскаго, я имѣлъ цѣлію нарисовать картину той эпохи царствованія Царя Алексѣя Михайловича, въ которую всѣ почти Низовыя Губерніи трепетали отъ буйства и грабежей Разина, — хотѣлъ выставить въ настоящемъ видѣ народный духъ того времени, степень тогдашняго просвѣщенія, тогдашніе нравы, привычки, образъ жизни. Съ этимъ намѣреніемъ, я пользовался сказаніями современниковъ, грамотами и другими историческими актами и документами, которые только могли быть мнѣ доступными. Нигдѣ не измѣнялъ я преданіямъ; нигдѣ не вводилъ любви, какъ пружины романовъ, недостойной исторіи. Я хотѣлъ нарисовать картину красками Исторіи, а не красками воображенія.

Просвѣщенные читатели будутъ судить, вполнѣ-ли я достигъ своей благонамѣренной цѣли?

Н. Ѳоминъ.

ЭПИГРАФЪ:

Люблю читать эти обломки вѣковъ, переживающіе всѣ страсти, всѣ отношенія людскія, эти лѣтописи и хладныя хартіи, гдѣ сохраняется мгновенно пролетающій, измѣнчивый говоръ современниковъ!...

II.

Темна, мрачна нѣмая даль,
Темнѣй, мрачнѣй его печаль!...

На берегу Волги, около огня, небрежно размѣшавшись на войлокахъ и армякахъ, пировали разгульные шоварищи. Ихъ мрачныя и дерзкія лица, освѣщаемыя пылающимъ костромъ, и куча оружія, состоящая изъ широкихъ ножей, рогашинъ, ружей и кистеней, краснорѣчиво сказали бы каждому о промыслѣ этой вашаги.

Казалось, что сами демоны, оставя подземныя жилища свои, хотѣли устрашить землю неслыханными разсказами злодѣяній, отъ которыхъ могло бы ужаснуться все человѣчество!... «Гей! вина!» закричалъ одинъ изъ удальцовъ.

«Выкапывайте бочки изъ погребовъ, не оставляйте ничего!...»

Сильное дѣйствіе имѣли слова его, все вдругъ закипѣло, разсыпалось по сторонамъ, и будто

провалилось сквозь землю. Не прошло часа — и на берегу Волги появилось множество бочекъ. «Все-ли шушъ, ребяша!» сказалъ Эсаулъ, «не осталось ли вина въ погребахъ?... Все!... повторило нѣсколько голосовъ.... «Ну! теперь повеселимся послѣднюю ночь, оставаться намъ здѣсь больше невозможно; убѣжище наше открыто: нищій сегодня утромъ увѣдомилъ меня, что насъ преслѣдуетъ команда. Начинайте-жь марговское пиво! опоражнивайте любую бочку вина! живѣй! удалѣй!»

И буйная ватага бросилась къ вину, выбила у бочекъ верхнее дно и началась пошѣха—кто черпаетъ ковшомъ, кто шапкой, кто ендовой. «А што, братцы» сказалъ бывшій Новгородскій мѣщанинъ, «не худо бы на послѣдяхъ-то повеселишься по нашему?...»

(Одинъ изъ толпы). А какъ у васъ веселятся?

(Новгородецъ потягивая вино изъ ендовы). Всѣ такъ веселятся, что диво да и только. Бывало какъ заберемся въ кружало на Славянскій конецъ, тутъ-то и пойдетъ разгулье и пошѣха! Виномъ и пивомъ хоть окачивайся. Деньга у всѣхъ была привольная, такъ никто и не жалѣлъ ее. Чего хочешь, того бывало и просишь: ѣшь, пей!—не хочу! А какъ запянемъ пѣсню, такъ народъ и хлынетъ со всѣхъ пяти концовъ Новгородскихъ.

Бывшій козакъ. Полно хвастать, стружка негодная, знаемъ мы вашу братью, плотниковъ, которые все такали, да Новгородъ протакали.

Новгор. А знаешь-ли ты, Донская собака, что наши удалыя дружины не боялись грозы Московской: то и дѣло пускались внизъ по Волгѣ; куда пришли—тутъ и гости: въ Кострому-ли, въ Ярославль-ли, въ богатую-ли Астрахань, вольница Новгородская не труситъ! Давай серебра и золота, выкатывай бочки годовалаго меда, а какъ дойдетъ до расплаты, то разсчитывалися желѣзомъ, да калеными стрѣлами.

Бывшій послушникъ. И всѣ потѣхи и разгулье прошло какъ бредъ горячки.

Бывшій мѣльникъ. Вотъ-те на! и другой понесъ околесную.

Бывшій послуш. О сыны человѣческіе! какъ можете вы ввѣряться міру? или вы не знаете, что оно жилище непрочное и скоропроходящее?

Бывшій подъячій. Въ силу сего вышерѣченнаго, не пора-ли намъ, братцы, отсюда убираться; того и гляди, что команда нагрянетъ какъ снѣгъ на голову. Я самъ теръ лямку въ Стрѣлецкомъ Приказѣ, то и вѣдаю всё пунктуально: понеже мы люди казуснаго промысла, сирѣчь разбойники, то и подлежимъ суду и расправѣ.

Есаулъ, подходя къ полупьяной ватагѣ и обращается къ подъячему: Ахъ, ты, чернильная гуща, на дележку ты первый, а какъ дойдешъ до расправы, такъ того и смотри, что онъ первый навостритъ лыжи, а тамъ глядя на него и прочіе. Я, братъ, этого не люблю; ребята! бросьте его въ огонь, чтобъ онъ тамъ хорошенько проусарился; авось тогда забудетъ бояться огня и смерти: худая трава изъ поля вонъ! Разбойники кинулись на подъячаго и поволокли его къ пылающему костру.

Бывшій подъячій. Отцы родные! пустите душу на покаяніе! мало-ли что такъ говорится; потомъ обращаясь къ Есаулу, батюшка, Селянъ Кузьмичъ — дай еще разъ посмотрѣть на бѣлый свѣтъ, вѣдь не я-ли тебя спасъ отъ пешли, не забудь хоть старой выслуги! помилуй, отецъ родной.

Есаулъ. Ну пустите его, ребята! чортъ съ нимъ. Смотри-жь, зелье проклятое, это тебѣ спускается въ первый и въ послѣдній разъ! Подъячій повалился въ ноги Есаулу, произнося жалобно: въ вѣкъ не забуду твоей милости, отецъ родной. Эхъ вы, пташки перелетныя! молодыя! не опытныя! не видали вы еще черныхъ дней; не видали вы быстраго полета ястова сокола, такъ говорилъ Есаулъ, собравшейся въ кружокъ около него ватаги. Слушайте-жь, я вамъ

разскажу то, что̀ мнѣ самому старики разсказывали:

Не помню, въ которомъ было это году, но знаю только, что въ царствованіе Бориса Годунова, передъ наступающимъ въ Москвѣ голодомъ; въ началѣ лѣта шли проливные дожди, всходы хлѣба быстро поднялись, колосья наливались; но вдругъ вся природа какъ будто бы омертвѣла. Въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль жара̀ была страшная, прохладный вѣтеръ не обвѣвалъ нивъ и полей; за симъ горемъ воспослѣдовалъ морозъ, и вмѣстѣ съ созрѣвавшею жатвою истребилъ радостную надежду крестьянъ. Нивы, поля, лѣса почернѣли; казалось, что повсемѣстное пламя опалило всѣ земныя произрастенія. Первый годъ питались запаснымъ хлѣбомъ. Съ наступившимъ голодомъ умножился развратъ и злодѣяніе; голодная смерть подобно моровому повѣтрію распространяла повсюду ужасы свои и поражала народъ. Въ эти бѣдственные дни, отцы оставляли дѣтей, мужья бѣжали отъ женъ; каждый думалъ только о самомъ себѣ, и никто не миновалъ общей напасти.

Скитавшіяся шайки, томимыя голодомъ и порываемыя своеволіемъ, составили сильную и отчаянную ватагу. Вскорѣ не только въ отдаленныхъ мѣстахъ, но и подъ Москвою не льзя было ни проходить, ни проѣзжать безопасно.

Начальникомъ этой ватаги былъ атаманъ Хлопко, отважный, предпріимчивый и, можетъ быть, льстившійся поколебать владычество Годунова.

Сколько Царь Борисъ ни старался усмирить вольницу, а Хлопко съ своей шайкой не унимался, шумѣлъ, какъ молодая брага, и далеко простиралъ свои замыслы.

На пиры и веселья Хлопки не заглядывала смерть голодная, славно поживалъ онъ за Москвой бѣлокаменной; дворъ былъ у него на семи верстахъ, и гридница была бѣлодубовая, стѣны ея были покрыты сѣдымъ бобромъ, полъ-полокъ чернымъ соболемъ. Тамъ-то, за широкимъ дубовымъ столомъ часто бражничалъ атаманъ Хлопко съ своими ясными соколами. Въ переднемъ углу его гридницы стоялъ деревянный шкафъ, коего распахнутыя дверцы обращали на себя взоръ каждаго — оттуда сіяли золотые и серебренные кубки, чары, ендовы и братины, цѣлыя кипы сукна и шелковыхъ тканей раскиданы по лавкамъ, на окнахъ въ безпорядкѣ стояли золотые подсвѣчники и церковные сосуды; зеркала безъ всякой правильности висѣли на стѣнахъ; множество ружей и пистолетовъ, оправленныхъ въ серебро, свѣтилѣлись на деревянныхъ гвоздяхъ — все говорило про смѣсь богатства со скудостію, чистоты съ неопрятностію. Закоптѣлая подставка доказывала, что гридница освѣщалась лучиною,

между шѣмъ какъ драгоцѣнное паникадило висѣло на срединѣ потолка.

Такъ-то, говорятъ, поживалъ атаманъ Хлопко за Москвою бѣлокаменною, многіе заглядывались на его широкій дворъ и гридницу богатую.

Вотъ, Царь Борисъ, видя, что вольница не унимается, то и выслалъ противъ нея сильное войско, подъ предводительствомъ Окольничаго Ивана Ѳедоровича Басманова. Молодецъ былъ Хлопко, да и храбръ былъ Окольничій; вотъ, что называется, и нашла коса на камень, и подъ самою Москвою завелась рѣзня страшная. Съ обѣихъ сторонъ народъ, какъ снопы, такъ и валились. Вотъ бились, бились, — и наконецъ Басмановъ пересилилъ и взялъ въ плѣнъ Хлопку. Когда онъ обезсилилъ отъ множества ранъ, ватага атамана смутилась, ударилась въ бѣгство и зажгла свой притонъ со всѣмъ его богатствомъ. Хлопку увезли въ Москву и казнили на красной площади. Да не долго жилъ послѣ него и Басмановъ. Одного прахъ развѣяли по чисту полю, гдѣ онъ гуливалъ; а другаго? другаго-то, помнится, съ честью похоронили въ Троицкой обители.

Послѣ этого разсказа воспослѣдовала могильная тишина: потомъ Есаулъ обращаясь къ своимъ товарищамъ сказалъ: теперь, выпьемте, ре-

бята, за тѣхъ, которые болѣе не существуютъ.

Бывшій мѣльн. Што за черповщина такая, сколько ни пьемъ, а еще одной бочки не выпито; — а вина-то бы еще хватило на полгода, съ собой не много увеземъ, а здѣсь оставить его, право, жалко.

Бывшій послуш. Не бойся, все выпьютъ какіе нибудь чертоплясы.

Бывшій Новгор. Такъ што-жъ, лишь бы за наше здоровье.

Цыганъ. Какъ бы не такъ, чай и спасибо не скажутъ.

Бывшій козакъ. А какихъ трудовъ стоило намъ отбить обозъ? За это винцо легли такіе ребята, съ которыми бы не разстался во всю жизнь.

Бывшій под. Такъ что-жъ съ нимъ дѣлать?

Есаулъ. Зажечь! Обкладывайте всѣ бочки хворостомъ, и потомъ зажигайте.

Запылалъ съ трескомъ хворостъ, бочки объятыя пламенемъ начали лопаться и море вина загорѣлось голубымъ огнемъ. Отъ этого освѣщенія отчаянныя физіономіи разбойниковъ казались мертвыми. И вся ватага походила на мертвецовъ, смѣющихся земной жизни, ея неудачамъ и превратностямъ. Всеобщій хохотъ, пляска и балалайка замолкли и звонко, въ окрестности, подъ удалую пѣсню залился веселый рожокъ:

ПѢСНЯ.

Протекала Волга матушка,
Со нагорной со сторонушки,
Пробѣгала тутъ рѣчка Кострома,
Что сверху было Волги матушки.
Что плыветъ, гребетъ легка лодочка,
Хорошо она изукрашена,
У ней носъ, корма раззолочены,
Что разшита легка лодочка
На двѣнадцать веселъ крашеныхъ.
На кормѣ сидитъ Атаманъ съ ружьемъ,
На носу сидитъ Есаулъ съ багромъ,
По краямъ лодки добры молодцы,
Посреди лодки красна дѣвица,
Атаманова полюбовница;
Она плачетъ, что рѣка льется
И рыдая слово молвила:
Не хорошъ мнѣ сонъ привидѣлся, —
У меня-ли красной дѣвицы,
На правой рукѣ на мизинчикѣ,
Распаялся золотой перстень,
Выкатился дорогой камень,
Расплелалася коса русая,
Выплеталася лента алая,
Лента алая Ярославская.

Славно, ребята, славно! ну, теперь на лошадей, да и въ походъ на Донъ; тамъ дожидаетъ насъ Степанъ Тимоѳѣевичъ Разинъ. Разгулье и потѣха у него будутъ славныя.

II.

Ему въ ночной безсонный часъ
Шепталъ неумолимый гласъ
Убійствъ завѣренную повѣсть.

Въ Черкаскѣ, въ загородномъ кружалѣ, за широкимъ дубовымъ столомъ пировали козаки. Въ переднемъ углу подъ божницею, сидѣлъ высокорослый козакъ лѣтъ сорока, въ цвѣтной рубашкѣ; косой ворошникъ обшитъ былъ широкимъ позументомъ и застегнутъ золотою пуговицею; за шелковымъ кушакомъ были заткнуты два пистолета въ серебряной оправѣ; на смугломъ лицѣ его являлись черты опытнаго воина, возросшаго въ бояхъ и набѣгахъ; широкая грудь и жилистыя руки показывали въ немъ крѣпость тѣлесную; повелительный взглядъ его внушалъ невольное къ нему почтеніе и страхъ, — то былъ гроза Волги и Каспійскаго моря, Донской козакъ, Стенька Разинъ.

Одинъ изъ козаковъ. А Что, братцы, есть-ли какая нибудь вѣсточка о нашихъ ясныхъ соколахъ? Имъ, кажись, давно быть надобно.

2-й *Козакъ.* Да диво да и только! словно въ воду канули! ни слуху, ни духу, не ужь-то пропадутъ безъ вѣсти; нѣтъ, это не тѣ ребята! Я знаю ихъ Есаула, онъ человѣкъ опытный, и гдѣ дѣло дойдетъ до расправы, себя лицомъ въ грязь не ударитъ.

Стенька. То-то и есть, что ударилъ, да такъ, что мало того, что самъ погибъ, да и шайку-то погубилъ также.

Всѣ козаки. Какимъ образомъ?

Стенька. Повелъ, чортъ знаетъ, по какой дорогѣ, да и ну съ ребятами бражничать! Нагрянулъ на одну деревню, вошъ и пошелъ у нихъ тамъ дымъ коромысломъ, что̀ есть въ печи, по все на столъ мечи; забирай, ребята, красныхъ дѣвушекъ, подчуйте ихъ пивомъ Мартовскимъ! и началась такая потѣха, что мужики послѣ свѣта Божьяго не взвидѣли. Какъ зашумѣло у Есаула слишкомъ въ буйной головушкѣ, то онъ и велѣлъ запалить избу, чтобъ попугать красныхъ дѣвушекъ; пламя по сильному вѣтру распространилось по всей деревнѣ; отчаянные крестьяне, преслѣдуемые страхомъ, кинулись на большую дорогу и встрѣтили тамъ команду, которая преслѣдовала Есаула съ шайкою. Крестьяне соединились съ командой,

вооружились чѣмъ попало; напали неожиданно на нашихъ пьяныхъ молодцевъ, которыхъ такъ славно поподчивали, что ребята наши легли всѣ почти на мѣстѣ; Есаулъ видя, что дѣло приходитъ плохо, съ оставшеюся ватагою ударился въ бѣгство, но былъ пойманъ, отвезенъ въ Астрахань, и тамъ казненъ съ оставшимися при немъ товарищами.

Всѣ. Жалко! ребята были славные!

Стенька. Есть о чемъ жалѣть? впредь другимъ наука, будь осторожнѣе.

Послѣ общаго молчанія отворяется дверь, и входитъ угрюмый незнакомецъ въ черной епанчѣ, въ огромной черной шляпѣ съ широкими полями, которыя закрывали почти все его лицо. Въ правой рукѣ держалъ онъ трость, очень похожую на Скандинавскій жезлъ. Въ лѣвой была у него книга въ черномъ бархатномъ переплетѣ.—Не обращая вниманія на пирующихъ, онъ сѣлъ въ уголъ, за пустой столъ и потребовалъ себѣ вина.

Всѣ козаки смотрѣли съ удивленіемъ на таинственнаго пришлеца, котораго физіономія внушала невольное къ нему почтеніе и страхъ пирующей ватаги.

Стенька (обращаясь къ незнакомцу). Откуда, добрый человѣкъ? И куда путь держишь?

Незнакомецъ. Изъ Египта.

А теперь хочу путешествовать по Россіи, и побывать въ томъ городѣ, гдѣ Русскіе Цари коронуются.

Стенька. То есть въ Москвѣ.

Незнакомецъ въ знакъ согласія кивнулъ головою.

1-й *Козакъ.* А какимъ ремесломъ занимается твоя милость?

Незнак. Я узнаю тайны будущаго, т. е. вѣдаю напередъ, что̀ съ каждымъ можетъ случиться.

2-й *Козакъ.* Да какъ-же это можно?

Незнак. Въ томъ-то и сила.

3-й *Козакъ.* По этому ваша милость занимается чернокнижествомъ?

Стенька. И вѣдомо такъ, а то по чему-же можно знать что̀ напередъ будетъ?

Незнак. На все есть наука: вѣкъ живи и вѣкъ учись!

Стенька. Наука наукѣ розь; иной и вѣкъ цѣлый не выучишься.

Незнак. Показывая козакамъ черную книгу. Вотъ сокровище, за которое я не возму всего на землѣ золота.

1-й *Козакъ.* А я не дамъ за нее и стакана вина.

Незнак. Эта великая книга такъ рѣдка и желаніе имѣть ее у всѣхъ столь велико, что по рѣдкости ея можно, вмѣстѣ съ Еврейскими

Раввинами, назвать великимъ твореніемъ; они по-нимъ оставили сей драгоцѣнный подлинникъ, списанный съ сочиненій великаго Царя Соломона, найденныхъ неожиданнымъ случаемъ. Великій Царь сей провелъ всѣ дни жизни своей въ изысканіи труднѣйшихъ и непроницаемыхъ тайнъ, которыхъ никто еще не находилъ.

И наконецъ успѣлъ во всѣхъ своихъ изысканіяхъ и достигъ до цѣли своихъ желаній.

1-й *Козакъ*. Чортъ меня возми, если я что нибудь тутъ понимаю.

2-й *Козакъ*. А я-такъ понялъ.

3-й *Козакъ*. Что?

2-й *Козакъ*. Царь Соломонъ былъ большой мудрецъ, и, говорятъ, дѣлалъ такія чудеса, что и ума не приложишь.

Стенька (къ незнакомцу). Коли вѣдомо все твоей премудрости, то скажи намъ, будемъ ли мы счастливы?...

Незнак. Этого вдругъ не льзя. Но я желаю также знать, въ чемъ вы полагаете свое счастіе?

Всѣ. Разумѣется въ золотѣ.

Незнак. Раскрылъ свою таинственную книгу, прочиталъ изъ нея нѣсколько страницъ, и потомъ пристально посмотрѣлъ на лицо каждаго.... Козаки съ благоговѣйнымъ страхомъ ожидали отвѣта отъ прорицателя незнакомца; наконецъ физіономія его прояснилась, и онъ окружающей его ватагѣ сказалъ: всѣ вы будете счастливы;

золото и несмѣтныя сокровища васъ ожидаютъ!

Всѣ. Славно! славно! тогда мы заживемъ не хуже бояръ Московскихъ!

Незнак. Но это счастіе послѣ потребуетъ отъ васъ большихъ пожертвованій.

Стенька. Какихъ?

Незнак. Вашихъ головъ!

Прежде погибни ты, колдунъ проклятый! закричали козаки, и обнажая сабли кинулись на незнакомца. Но каково было всѣхъ изумленіе когда незнакомецъ вдругъ скрылся.

Изумленные козаки долго не могли придти въ себя отъ ужаса, наведеннаго на нихъ незнакомцемъ и съ недоумѣніемъ смотрѣли въ ту сторону, куда, по видимому, скрылся незнакомецъ.

1-й *Козакъ* (прерывая общее молчаніе). Каковъ, ребята, оборотень? И впрямь-что онъ знаетъ чернокнижество!

2-й *Козакъ.* Видно у него есть косточка невидимка, которая была у нашего козака Ѳедьки; онъ, говорятъ, досталъ ее изъ черной кошки и такія чудеса дѣлалъ, что̀ твой оборотень!

3-й *Козакъ.* А помните ли, ребята? когда Ѳедьку сковали и посадили въ тюрьму за какое-то важное преступленіе, вѣдь и онъ сдѣлалъ штуку славную!

Всѣ. Какую?

Стенька. Я помню онъ также пропалъ изъ тюрьмы безъ вѣсти, какъ эпотъ оборотень.

4-й Козакъ. Эка притча!

Стенька. Что̀ много калякать о пустякахъ? Поѣдемте-ка лучше гулять на синее море, разобьемте босурманскіе корабли, возмемъ съ плѣнниковъ дань богатую, и поѣдемте послѣ въ Москву бѣлокаменную, тамъ накупимъ себѣ платья цвѣтнаго и потомъ на Волгу матушку.

Вся ватага. Славно! славно, Степанъ Тимофѣевичъ! вѣкъ-бы намъ лучше твоего не придумать.

III.

Чьи руки выкопали этотъ разбойничій вертепъ?
Кто были его ужасные обитатели?

Что̀ брашъ, Кузьма Кондратьевичъ, правду-ли говоритъ народъ, будто-бы вы съ воеводою молодцовъ-то всѣхъ перековали, и открыли ихъ разбойничій притонъ?... Такъ спрашивалъ Астраханскій купецъ своего пріятеля Губнова старосту. Мало-ли что̀ народъ болтаетъ, не всякому слуху вѣръ, Сила Андреевичъ! Ты, кажись, человѣкъ опытный, и много видѣлъ всего на своемъ вѣку, а часто вѣришь такимъ пустякамъ, въ которыхъ бы усумнился и ребенокъ. Да гласъ молвы, батюшка, Кузьма Кондратьевичъ, есть гласъ Божій. То-то и есть, что эта пословица не всегда говоритъ правду; сколько мы Стеньку не преслѣдовали, но ни гдѣ встрѣтить его не могли? Наконецъ мы взяли съ собой проводника, которому былъ из-

вѣстенъ какой-то притонъ. Проводникъ повелъ насъ дремучимъ лѣсомъ, направляя путь свой по зарубкамъ на деревьяхъ. По продолжительномъ и почти непроходимомъ пути, онъ вывелъ насъ на небольшую поляну, на ней между толстыми корнями сгорбленнаго дуба, проводникъ нашъ поднялъ изъ досокъ сплоченную и снаружи мохомъ и корнями весьма искусно оправленную заслонку, снизу обитую желѣзными полосами съ двумя толстыми кольцами для запора. Тутъ увидѣли мы нору столь узкую, что человѣкъ въ нее съ трудомъ пролѣзть можетъ. По вешхой, изломанной лѣстницѣ спустился туда сперва съ фонаремъ нашъ проводникъ, которому всѣ окрестности были знакомы. За нимъ сошелъ воевода и я, сопровождаемые командою, половина ея осталась у входа на караулѣ. Предосторожность необходимая потому, что часто въ просшникѣ скрываются разбойники. Разсказываютъ, что недавно одинъ оплошный, а можетъ быть и алчный къ корысти воевода, посланный для поимки воровъ, погибъ въ одномъ изъ такихъ подземельевъ. Шайка разбойниковъ укрывалась въ ближнемъ болотѣ отъ его преслѣдованій. Свистокъ ихъ соглядатая увѣдомилъ Атамана, что вся команда спустилась въ нору; вдругъ разбойники выскочили, захлопнули подъемную дверь и завалили выходъ каменьями. Черезъ нѣсколь-

ко недѣль, воевода съ толпою понятыхъ изъ Приволжскихъ селеній, послѣ долгихъ поисковъ съ трудомъ отыскали заваленную нору и, спустясь въ нее, нашли солдатъ и воеводу, умершихъ голодною смертію.

Спустясь сажени двѣ подъ землю, мы очутились на площадкѣ: подъ низкимъ сводомъ пропѣснились одинъ за другимъ, съ зажженными свѣчами, въ просторный вершепъ съ палатями, нарами и печью, у коей широкая труба раздѣлялась вверху на пять тоненькихъ, въ разныя стороны проведенныхъ, дабы густо выходящій дымъ не могъ обличить ихъ убѣжища. Нѣсколько отдѣловъ отгорожено досками, опять на нѣсколько темныхъ каморокъ, перегороженныхъ съ дверьми и петлями для замковъ. Въ иныхъ чуланахъ (вѣроятно почетныхъ: для Атамана, Есауловъ и женщинъ) находились кровати съ войлоками, крашеные сундучки, боченки, ведра, штофы, ковши, разбитые стаканы (позолоченные, съ двуглавымъ орломъ или вензелемъ), въ иныхъ заржавѣлые ружейные стволы, пилы, свистки, подъемы развѣшаны на деревянныхъ гвоздяхъ, роги для пороха, связки ключей и крючьевъ, нанизанныхъ на желѣзную проволоку; большіе ножи и нагайки. Въ переднемъ углу каждой каморки стояли образа, а въ одномъ сдѣланъ Святыни рѣзной кіотъ за слюдою и передъ нимъ лампада и огарки восковыхъ свѣчъ.

Странно, что мы нашли коровій хлѣвъ и конюшню: вѣрный знакъ, что сюда былъ другой входъ, котораго мы со всѣмъ стараніемъ нашимъ не отыскали. Старый служивый принесъ намъ женскій башмакъ подземельной щеголихи: онъ сшитъ изъ краснаго сапу, на превысокомъ каблукѣ, подбитомъ мѣдною бляхой. Спереди вставлены въ немъ маленькія зеркальца и по мѣстамъ разноцвѣтная фольга; весь башмакъ выложенъ въ узоръ золотою битью.—Чьи руки выкопали этотъ разбойничій вертепъ? Кто были его ужасные обитатели? Изъ какихъ сторонъ собрались они? Долго-ли существовало ихъ скопище? Чѣмъ кончились кровавые подвиги сихъ Волжскихъ разбойниковъ? Можетъ быть здѣсь жили вмѣстѣ и добрый, увлеченный обстоятельствами, съ душою ожесточенною братьями-человѣками, и злой, находившій звѣрское удовольствіе видѣть смертныя судороги младенцевъ, имъ заколанныхъ и хрипѣніе старцевъ, имъ зарѣзанныхъ. Можетъ быть здѣсь скрывался сынъ, оклеветанный мачихою и проклятый отцомъ; опозоренный женою мужъ отмщалъ за честь свою невиннымъ плавателямъ; игрокъ промотавшійся до послѣдней полушки; стрѣлецъ, привыкшій къ грабежу и насилію; бѣглецъ, котораго преступные родители въ дѣтствѣ учили просить милостыню и юродствовать; купецъ пропорговавшійся и желав-

мій, съ широкимъ ножемъ въ рукѣ, поймашь богатство на большой дорогѣ; потомъ вышли мы на бѣлый свѣтъ изъ притона разбойниковъ и радостно вздохнули свѣжимъ воздухомъ.

Однако я у тебя, Сила Андреевичъ, такъ заболтался, что не видалъ какъ наступилъ вечеръ. А мнѣ завтра до зари надобно быть у Воеводы и ожидать новыхъ приказаній. Коли очень нужно твоей милости, Кузьма Кондратьевичъ, то не могу тебя задерживать: и право жаль, что погостилъ мало. Ну, а на дорожку-то все не мѣшаетъ выпить. Тутъ Сила Андреевичъ взялъ съ горки двѣ серебреныя пагары, налилъ въ нихъ романеи и поднося Губному старостѣ сказалъ: выпьемка, Кузьма Кондратьевичъ, за здоровое нашего незакатнаго краснаго солнышка Царя Алексѣя Михайловича! шутъ пріятели чокнулись три раза по пагарамъ и выпивъ за здоровье Царя разстались.

VI.

Какъ привидѣнья вдоль рѣки
Ошоборились козаки ! . .

Стенька Разинъ, прибывши на Волгу, напалъ на караванъ струговъ , которые имъ были ограблены въ Астрахани ; они принадлежали Государю, Патріарху Іоспфу и многимъ богатымъ купцамъ ; разбойники того времени никогда не грабили Государю и Духовенству принадлежащихъ вещей.

Стенька первый пренебрегъ древніе уставы своихъ предшественниковъ и при разграбленіи имъ каравана, злодѣй не могъ довольствоваться одною корыстію, онъ къ ней присоединилъ еще ужасное безчеловѣчіе : находящихся приставами на Царскихъ и Патріаршихъ судахъ дворянъ , Семена Шарапова и Алексѣя Золотова, въ урочищѣ, называемомъ Щегло, велѣлъ повѣсить; но чтобъ извѣстіе о его злодѣяніи

ни куда не могло скоро достигнуть, то онъ взялъ у ограбленныхъ имъ судовъ снасти, изрубилъ также всѣ лодки.

Первый успѣхъ Стеньки былъ причиною дальнѣйшихъ его злодѣяній. Онъ поплылъ внизъ по Волгѣ, замыслы его напасть на Астрахань, остались безъ всякаго успѣха; Стенька не доходя придцати верстъ до города, пошелъ устьемъ, называемомъ Бузанъ, въ море; держась береговъ онъ направилъ путь свой къ устью рѣки Яики. Появленіе его тамъ навело внезапный ужасъ на всѣхъ жителей (потому что онъ плавая по Волгѣ ни кого не допускалъ идти впереди себя). Вдругъ получаетъ извѣстіе Астраханскій Воевода Князь Иванъ Андреевичъ Хиляковъ, о всѣхъ злодѣяніяхъ Стеньки Разина. Благоразумный Воевода, во-первыхъ желая обойтися безъ кровопролитія, прибѣгнулъ къ увѣщаніямъ и обѣщалъ мятежникамъ, если они оставятъ свои пагубныя предпріятія, то онъ испроситъ всѣмъ прощеніе у Государя; а во-вторыхъ, что не могъ такъ скоро приготовить команды для усмиренія мятежниковъ. И потому послалъ за Разинымъ Сотника Никиту Сивцова съ малой командой. Сотникъ нашелъ его при входѣ рѣки Яика: и когда Сивцовъ съ своею командою взошелъ на его струга, то Стенька, опасаясь напередъ его увѣщанія, которое могло произвести сильное дѣйствіе

надъ его сообщниками, не дожидаясь объясненій, велѣлъ всѣхъ ихъ покидать въ рѣку. Потомъ былъ посланъ изъ Астрахани преслѣдовать Разина Стрѣлецкій Голова Богданъ Сиверсовъ, съ большимъ отрядомъ Стрѣльцовъ, онъ пришелъ къ тому мѣсту, гдѣ находился Стенька, и вступилъ съ нимъ въ бой, хотя храбрость и усердіе его были равны важности порученному дѣлу, но не могъ онъ устоять противъ отчаянной ватаги Разина. Войско его было разбито, взятые въ плѣнъ погибли въ ужасныхъ мученіяхъ; другіе предвидя себѣ подобную участь, кинулись на берегъ, въ надеждѣ возвратиться сухимъ путемъ въ Астрахань, но и тѣ должны были въ степяхъ умереть голодною смертію; или ожидать позорнаго плѣна отъ Киргизъ-Кайсаковъ. Стрѣлецкій голова Богданъ Сиверсовъ, съ оставшимися при немъ Стрѣльцами едва могъ спастись въ легкомъ Есаульскомъ спругѣ и достигнуть благополучно Астрахани.

Ободренный неожиданнымъ успѣхомъ Стенька пошелъ къ новопостроенному городку на рѣкѣ Яикѣ и получившему свое названіе отъ рѣки *Яицкимъ*. Стенька взялъ его обманомъ; всѣхъ бывшихъ въ немъ стрѣльцовъ и военныхъ людей, также и другихъ жителей, оставшихся въ живыхъ во время ужаснаго кровопролитія, бывшаго при осадѣ города, принуждалъ соеди-

нишься съ его шайкой. Вѣрныхъ же своему Государю, своему отечеству и чести велѣлъ живыхъ зарыть въ землю. Двухъ находящихся у него въ плѣну, Стрѣлецкихъ Полковниковъ, Семена Яснова и Никифора Нелюбова, велѣлъ повѣсить на городскихъ воротахъ.

Перезимовавши въ Яицкомъ городкѣ, весною Стенька опять отправился съ своею шайкою на опасный промыселъ. Но когда злодѣянія его сдѣлались извѣстными почти всей Россіи, и неизбѣжная погибель стала преслѣдовать его каждый шагъ, то онъ предпринялъ другіе планы и повелъ свою отчаянную ватагу въ богатыя селенія, находящіяся на берегахъ Персидскихъ. По случаю заключеннаго мира Россіи съ Персіею, жители не могли ожидать никакого нападенія со стороны Россіи; Разинъ воспользовался этимъ случаемъ, доставившимъ ему блистательную надежду въ началомъ его предпріятіи.

Стенька готовъ былъ исполнить пагубное свое предпріятіе; но слухъ о его злодѣяніяхъ распространился повсюду, и потому онъ долженъ былъ отложить свое намѣреніе до перваго удобнаго къ тому случая.

Вдругъ является на Волгѣ подобный ему злодѣй, изъ Донскихъ козаковъ, Сергѣй, по прозванію Кривой; восхитясь разгульною жизнію Стеньки Разина, онъ также набралъ себѣ большую шайку разбойниковъ, сдѣлался ихъ Атаманомъ

и поплылъ съ ними на Волгу. Въ урочищѣ называемомъ Мечетино рѣчка, онъ напалъ тамъ на плывущія въ Астрахань суда, ограбивши ихъ, Сережка пустился опять внизъ по Волгѣ, въ Бузанскій рукавъ, въ намѣреніи оттуда оплыть въ море и соединиться съ Разинымъ.

Боярин и воевода Астраханскій, получивший извѣстіе о новомъ злодѣѣ, послалъ туда большую команду Стрѣльцовъ на морскихъ судахъ, съ строгимъ приказаніемъ захватить его въ Бузанѣ и не впускать въ море; но разбойники узнавши о приближеніи Стрѣльцовъ, стали въ такомъ узкомъ мѣстѣ, гдѣ всѣ суда Астраханскія противъ ихъ дѣйствовать не могли: пользуясь выгодною позиціею, они раздѣлились на двѣ партіи: одна изъ нихъ осталась на мѣстѣ, а другая выступила впередъ противъ Стрѣльцовъ, и открыла сильный огонь, такъ, что посланные изъ Астрахани Стрѣльцы должны были отступить и искать своего спасенія въ бѣгствѣ; но и въ этомъ затруднительномъ положеніи были преслѣдуемы легкими разбойничьими судами, и послѣ продолжительнаго боя оставшіеся въ живыхъ Стрѣльцы были взяты ими въ плѣнъ. И Сережка Кривой, послѣ одержанной надъ Стрѣльцами побѣды, безпрепятственно продолжалъ свое плаваніе и свои буйные набѣги.

Между тѣмъ Степенька Разинъ вышелъ въ море,

и соединясь съ Сережкой Кривымъ спалъ грабить всѣ плывущія изъ Персіи въ Астрахань суда. Такимъ образомъ продолжая свои злодѣянія, онъ приставалъ къ многимъ берегамъ Персидскимъ, которые имъ были ограблены, многіе жители за свое сопротивленіе заплатили жизнію. Тогда возникло недоумѣніе у Персіянъ, что такая вооруженная ватага, вѣроятно, не безъ воли Правительства выступила изъ предѣловъ Россіи и дѣлала набѣги въ ихъ странѣ. Страхъ отъ злодѣя распространился по всѣмъ окреснымъ дорогамъ, и Персіяне не довѣряя миру, заключенному съ Россіею, начали вооружаться. Ханъ Намѣстникъ Гилянскій, услыша о приближеніи въ его области отчаянной ватаги Разина, собралъ множество судовъ, сѣлъ въ нихъ съ своимъ сыномъ, и потомъ вступилъ въ бой съ отчаянной ватагой Разина, которою былъ разбитъ, а сынъ его взятъ Разинымъ въ плѣнъ; ожесточенные Персіяне видя въ плѣну Наслѣдника Ханскаго, пришли въ изступленіе и снова вступили въ бой съ Разинымъ съ безпримѣрною храбростію. Стенька видя сильный напоскъ непріятеля и большую потерю своей ватаги, отступилъ назадъ и возвратился на Волгу.

Царь Алексѣй Михайловичъ, какъ мудрый Государь, разсуждая что въ отдаленныхъ областяхъ его, подобный бунтъ легко можетъ воз-

никнувъ ошъ непредусмотрительности воеводъ, былъ недоволенъ бояриномъ и воеводою Княземъ Хилковымъ, допустившимъ усилиться бунту и потому смѣнилъ его съ воеводства. На мѣсто Хилкова послалъ боярина и Князя Ивана Семеновича Прозоровскаго, съ братомъ Княземъ Михайломъ Семеновичемъ. Царю Алексѣю Михайловичу была извѣстна храбрость обоихъ Князей, и потому онъ поручилъ имъ важный постъ, требовавшій неусыпнаго попеченія. Къ нимъ присоединилъ еще Стольника и воеводу, Князя Семена Львова, съ большимъ отрядомъ Стрѣльцовъ, для совершеннаго истребленія оказавшихся бунтовщиковъ, и для удержанія прочихъ въ должномъ повиновеніи. Князь Прозоровскій по пріѣздѣ своемъ въ Астрахань на другой день отправилъ Князя Львова съ большимъ отрядомъ Стрѣльцовъ, преслѣдовать повсюду Стеньку Разина, гдѣ-бы онъ ни находился. Мудрое распоряженіе Прозоровскаго уничтожило сомнѣнія Персіянъ, въ отношеніи къ миру заключенному ими съ Россіею.

Князь Львовъ встрѣтилъ Стеньку Разина на взморьѣ у берега, атаковалъ его со всѣхъ сторонъ. Стенька, предвидя свою погибель и невозможность спастись бѣгствомъ, послалъ къ Князю Львову двухъ Эсауловъ съ просьбою, на имя Государя писанною; въ ней онъ просилъ у Монарха прощенія, обѣщаясь вѣрностію и своимъ

усердіемъ къ Престолу и отечеству загладить свое преступленіе.

Князь Львовъ, видя многочисленныя полчища Стеньки Разина, готовъ въ случаѣ его отказа въ принятіи просьбы вступить съ нимъ въ отчаянный бой, за лучшее разсудилъ принять ихъ просьбу и именемъ Государя обѣщать имъ прощеніе.

Съ симъ извѣстіемъ посланы были изъ Астрахани гонцы въ Москву къ Государю; и отъ Разина поѣхали семь козаковъ на лодкахъ, еще нагруженныхъ добычею, они поѣхали Волгою въ Нижній-Новгородъ; отшуда отправились въ Москву, явились ко Двору съ повинною головою; каждый неся топоръ и плаху.

Неизвѣстно намъ что было разсуждаемо въ Царскомъ Совѣтѣ: но какъ Царь Алексѣй Михайловичъ имѣя безпредѣльное великодушіе, и притомъ желая дать вѣру и силу обѣщаніямъ своихъ вождей, то и подтвердилъ граматою своею данное слово Стольника Князя Львова. И Стенька Разинъ и его товарищи дали клятвенное обѣщаніе впредь никогда не дѣлать подобныхъ преступленій. И потому онъ былъ отпущенъ изъ Астрахани на Донъ, со всѣми своими сообщниками.

Вотъ ужь тутъ-то онъ на радостяхъ задалъ пиръ своимъ совѣтникамъ, Эсауламъ и товарищамъ, въ самомъ устьѣ Волги-матушки. Три

дил, при ночи продолжался пиръ, разгуллись шумъ, распотѣшились удалые Волжски молодцы; полилось рѣкой зелено вино, закипѣлъ въ ковшахъ серебряныхъ медъ янтарный съ пивомъ Мартовскимъ, яствъ сахарныхъ, сперледей большихъ было столько изготовлено, что и въ славной каменной Москвѣ не видалъ никто подобнаго на пиру и на веселіи у бояръ большихъ и сановниковъ. Ненаглядныя красны дѣвушки въ сарафанахъ алыхъ бархатныхъ и въ жемчужныхъ ожереліяхъ съ козаками веселились шамъ; атамана Стеньку Разина утѣшали своей пляскою, своей пляскою и пѣснями.

V.

Его прозванье старъ и младъ
Произнести въ семьѣ страшились!

По прибытіи на Донъ Стеньки Разина съ своими сообщниками, привезшими съ собою великія сокровища, которыя вскружили головы всѣмъ жителямъ Дона, Стенька зная жадность козаковъ разсыпалъ награбленныя имъ деньги и черезъ что пріобрѣлъ всеобщее отъ козаковъ уваженіе и неограниченную власть, такъ, что Донской Атаманъ Корней Яковлевъ, не находя никакихъ средствъ противъ опаснаго своего соперника, принужденъ былъ содѣйствовать пагубнымъ его намѣреніямъ.

Стенька узнавши силу свою на Дону, и наскучивъ однообразною жизнію отправился изъ Черкаска съ многочисленною своею ватагою на Волгу, и тамъ сталъ дѣлать нападенія на мелкіе города и селенія Татарскія. Апрѣля 13

1668 года подступилъ онъ подъ Царицынъ, гдѣ уже имѣлъ тайное совѣщаніе съ находившимися тамъ Стрѣльцами, которые, безъ всякаго сопротивленія, его въ городъ впустили; Стенька Разинъ, воспользовавшись измѣною Стрѣльцовъ, напалъ въ расплохъ на жителей Царицына. Воеводу Петра Турченева и всѣхъ находившихся въ городѣ бояръ взялъ въ плѣнъ и, какъ не участвовавшихъ въ измѣнѣ Стрѣлецкой, всѣхъ велѣлъ побить, а домы ихъ отдалъ на разграбленіе своимъ сообщникамъ. Потомъ Стенька былъ увѣдомленъ измѣнниками, что изъ ближнихъ городовъ идетъ на помощь Царицыну войско, подъ предводительствомъ Стрѣлецкаго головы, Ивана Лопатина: Стенька съ отчаянною своею шайкою встрѣтилъ его подъ стѣнами Царицына, вступилъ съ нимъ въ бой, и одержавъ побѣду, велѣлъ какъ Лопатина, такъ и прочихъ Начальниковъ, оставшихся въ живыхъ, покидать въ воду.

Когда пришло извѣстіе въ Астрахань къ боярину и Князю Прозоровскому о вторичномъ бунтѣ Разина, тогда онъ немедленно послалъ отъ себя, извѣстнаго ему храбростію воеводу и Стольника Князя Семена Ивановича Львова, съ многочисленнымъ отрядомъ военныхъ людей, и въ тоже время шедшій съ верху Волги промышленникъ изъ Нижняго въ легкомъ стругѣ, узнавши о взятіи Царицына, предвидя, что

Волгою въ Астрахань доѣхать не возможно, поворотилъ въ рѣку Ахтубу, которая соединяется съ Волгою, и такимъ образомъ объѣхавъ шайку Стеньки Разина, достигъ до Астрахани и привезъ обстоятельныя извѣстія о всѣхъ злодѣяніяхъ Разина.

Между тѣмъ Стенька дошелъ до Чернаго Яру, гдѣ находился съ посланными войсками Князь Семенъ Ивановичъ Львовъ. Сколько онъ ни старался принудить Стрѣльцовъ, бывшихъ подъ его начальствомъ, вступить въ бой съ Разинымъ, но всѣ его старанія остались безъ всякаго успѣха; потому что Стрѣльцы были подкуплены Стенькою. Увидѣвъ приближеніе Разиной шайки, — Стрѣльцы вмѣсто мужественнаго сопротивленія пропивъ опаснаго врага всѣ взбунтовались: Воеводу своего Князя Львова связали и всѣхъ бывшихъ у нихъ Начальниковъ и дворянъ побили, а сами вступили въ шайку Разина, который насулилъ имъ горы золота. Астраханскій Сотникъ Данило Тарлыковъ и Черноярскій Стрѣлецъ, успѣвшіе спастись бѣгствомъ, донесли Астраханскому воеводѣ о измѣнѣ Стрѣльцовъ и участи своихъ сподвижниковъ.

Неожиданное и печальное извѣстіе довольно ясно показало боярину и воеводѣ Князю Прозоровскому, въ какой опасности находится Астрахань; онъ приглашаетъ къ себѣ въ домъ

всѣхъ бояръ и знатнѣйшее Духовенство. Совѣтуется съ Митрополитомъ Іосифомъ, мужемъ твердымъ и непоколебимымъ въ священныхъ своихъ обязанностяхъ и вѣрности къ своему Государю. И такъ съ общаго согласія положили послать къ Государю съ подробнымъ извѣстіемъ того-же Сотника Тарлыкова, который привезъ его изъ Черпаго Яру, о измѣнѣ Стрѣльцовъ.

По отъѣздѣ гонца, въ Астрахани возникли возмущенія отъ находящихся тамъ Стрѣльцовъ. Они собрались всѣ на площади, какъ пѣшіе, такъ и конные, и потомъ пошли къ боярину Князю Ивану Семеновичу Прозоровскому, просить своего жалованья за прошедшій годъ: хотя требованіе ихъ было справедливо, но въ такое время, когда они сами знали, что казны на жалованье въ привозѣ изъ Москвы еще не было, что̀ и показывало ихъ склонность къ возмущенію. Князь Прозоровскій объявилъ имъ, что онъ не имѣетъ еще присланныхъ на жалованье денегъ, но обѣщалъ занять ихъ у Митрополита изъ монастырской казны; что̀ онъ немедленно и исполнилъ: онъ взялъ у Митрополита Іосифа 2600 рублей и роздалъ Стрѣльцамъ годовое жалованье.

Потомъ Князь Прозоровскій съ брашомъ своимъ занялся пріуготовленіемъ всѣхъ средствъ служащихъ къ защитѣ, при внезапномъ нападеніи Разина. Городскія стѣны по приказанію

его, укрѣплялись, воротны задѣлывались кирпичемъ, расписывались разныя мѣста, которыя кому должно защищать; многіе чужестранцы, которые находились на первомъ построенномъ въ Россіи кораблѣ, откомандированы были для защищенія и укрѣпленія города, но въ день раздачи Стрѣльцамъ жалованья, Разинъ подошелъ уже близко къ городу, остановился у одного бугра, называемаго Жареный, и прислалъ отъ себя въ Астрахань перваго Эсаула Прошку Быка, и плѣннаго Князя Львова слугу, въ которомъ онъ находилъ много достойныхъ качествъ принадлежащихъ разбойнику. Оба посланные явились въ Астрахань для договора съ боярином Княземъ Иваномъ Семеновичемъ Прозоровскимъ, которому немедленно донесено было о прибытіи разбойниковъ, то онъ и приказалъ ихъ у Никольскихъ воротъ за городомъ повѣсить, въ виду привезшихъ ихъ струговъ.

Въ вечеру 21 Іюня получено было вѣрное извѣстіе Княземъ Прозоровскимъ, что въ ночь Стенька рѣшился сдѣлать приступъ къ городу у Вознесенскихъ воротъ; Князь Прозоровскій отправился къ Митрополиту, принялъ отъ него благословеніе, и поѣхалъ къ назначенному мѣсту, сопровождаемый всѣми жителями Астрахани, при звукѣ трубъ и бубенъ, пробудившихъ новое мужество въ защитникахъ города. Когда Князь все учредилъ для защищенія города, и

глубокая ночь наступила, тогда Разинъ съ своею ватагою и измѣнниками Стрѣльцами пришелъ къ Вознесенскому монастырю, и началъ приступъ къ городскимъ стѣнамъ отъ Вознесенскихъ воротъ. Боярин и воевода Князь Иванъ Семеновичъ Прозоровскій, съ оставшимися при немъ людьми, защищая Вознесенскія ворота, былъ опасно раненъ въ животъ и отнесенъ въ соборную церковь, въ надеждѣ, что Святыня храма удержитъ злодѣевъ и спасетъ ему жизнь. Братъ его Князь Михайло Семеновичъ былъ убитъ у самыхъ Вознесенскихъ воротъ; множество иностранныхъ купцовъ, бояръ и вѣрныхъ гражданъ подверглись общей участи съ Княземъ.

VI.

Онъ рѣзалъ дѣвъ и старикомъ,
Снималъ покровы съ мертвецовъ
И села обносилъ пожаромъ.

По кровавой рѣкѣ, по грудѣ мертвыхъ шѣлъ, проходила ватага Стеньки Разина. Одни вырубивъ калитку у Вознесенскихъ воротъ, другіе перелезши черезъ стѣну житнаго двора, пошли къ соборной церкви, гдѣ множество вѣрныхъ сыновъ своему отечеству и своему Государю окружили раненаго воеводу, и приносили въ своихъ слезахъ послѣднюю дань благоговѣнія добродѣтельному мужу и отцу Астрахани; мятежники окружили церковь, выломали желѣзныя двери, вошли въ храмъ и взяли страждущаго Князя Прозоровскаго, и всѣхъ бывшихъ при немъ бояръ и дворянъ побили. Стенька Разинъ войдя въ городъ отдалъ его на разграбленіе своимъ товарищамъ, а воеводу Прозоровскаго велѣлъ

низвергнуть съ высокой башни, называемой Роскашъ, гдѣ онъ отъ сего паденія окончилъ исполненную добродѣтелями жизнь.

Потомъ Стенька велѣлъ сжечь первый корабль, сооруженный въ Россіи, называемый Орелъ, со всѣми находящимися при немъ судами.

Пребываніе Стеньки въ Астрахани ознаменовано было неслыханными бѣдствіями: онъ громоздилъ преступленіе на злодѣяніе, Астрахань уподоблялась тогда пространному кладбищу, по которому ходила смерть опершись на развратъ и злодѣяніе. Соскучась продолжительнымъ пребываніемъ въ Астрахани, Разинъ пошелъ съ своею ватагою опять на Волгу, а городъ поручилъ въ управленіе двумъ Эсауламъ: Васькѣ Усу и Ѳедькѣ Шелудяку. Вступивши на Волгу, Стенька распустилъ молву, будтобы съ нимъ находится Царевичъ Алексѣй Алексѣевичъ, который скончался въ Москвѣ 31 Января сего года. Но Царевичъ, избѣгая строгости родителя своего, живъ и находится при немъ. А въ Москвѣ, чтобъ скрыть отъ народа побѣгъ его, похоронили одного юношу очень на него похожаго. Потомъ желая склонить къ бунту Духовенство, Стенька разглашалъ, будто-бы бывшій Патріархъ Никонъ, Соборомъ низверженный съ Патріаршаго Престола, и находившійся въ обители Преподобнаго Ферапонта простымъ монахомъ, находится также при немъ.

Молва поколебала народъ, привела его въ сомнѣніе. Стенька, воспользовавшись этимъ случаемъ, взялъ Царицынъ и Саратовъ. Но когда онъ подошелъ къ Самарѣ, гдѣ возникло разногласіе, потому, что одна половина города хотѣла сохранить вѣрность своему Государю, а другая предаться злодѣю, и когда послѣдняя превозмогла, то Разинъ вступилъ въ городъ безъ всякаго сопротивленія жителей, казнилъ воеводу Ивана Алфимова, и многихъ жителей не хотѣвшихъ участвовать въ бунтѣ. Потомъ продолжая свои злодѣянія, подступилъ онъ подъ городъ Симбирскъ, въ которомъ былъ воеводою Окольничій Иванъ Богдановичъ Милославскій, съ дворянами и съ Московскими головами и Стрѣльцами, да Окольничій и воевода Князь Юрій Никитичъ Боряпинскій, съ выборными солдатами, очень хорошо знавшими Стеньки правила, ни на какія его предложенія не соглашались.

Во время продолжительнаго своего пребыванія подъ стѣнами Симбирска, Разинъ желая истребить дворянство и тѣмъ самымъ склонить чернь къ бунту, послалъ свои грамоты въ города и селенія, лежащія по отдѣляющей границѣ царство Казанское отъ прочихъ Россійскихъ областей; въ грамотахъ своихъ Стенька объявлялъ всѣмъ о пребываніи при немъ Царевича Алексѣя Алексѣевича и Никона Пат-

ріарха, и что онъ шелъ къ Москвѣ по ихъ повелѣнію, для того, чтобъ казнить тамъ бояръ, думныхъ дворянъ, дѣтей боярскихъ, приказныхъ людей, Стрѣльцовъ, солдатъ и торговыхъ людей за ихъ измѣны, повелѣвая и черни то-же дѣлать надъ своими господами. Какъ скоро чернь получила обольстительныя грамоты, въ которыхъ позволялось имъ поднять руки на господъ своихъ, то всѣ жители — Низовая, Черная и Луговая, Черемиса, Чуваши, Татары и Мордва, по обѣ стороны Волги взбунтовались; крестьяне не стали повиноваться своимъ помѣщикамъ, служители убивали своихъ господъ, грабили ихъ имѣніе, ругались надъ ихъ женами и дочерьми и наконецъ спрашась достойнаго себѣ по законамъ наказанія, бѣжали отъ своихъ жилищъ и соединились съ ватагой Разина.

Въ такомъ положеніи находились тогда всѣ Низовыя губерніи; когда Стенька былъ отбитъ отъ Симбирска и посланная имъ ватага подъ Арзамазъ, также успѣха ни въ чемъ не имѣла, то онъ и поплылъ внизъ по Волгѣ, тамъ преслѣдовалъ его съ многочисленнымъ войскомъ по границамъ царства Казанскаго, Князь Юрій Никитичъ Борятинскій, который во многихъ мѣстахъ поразилъ шайку Разина: и съ другой стороны Князь Долгоруковъ послалъ отъ себя воеводъ въ города Тамбовъ, Ломовъ и Темниковъ привести жителей въ должное повинове-

ніе, мятежники находившіеся въ городахъ, по приказанію воеводъ были казнены и буйство народное престало.

Между тѣмъ въ Москвѣ Царь Алексѣй Михайловичъ получивъ извѣстіе о всеобщемъ смущеніи, призвалъ къ себѣ Патріарха Іосифа, и совѣтовался съ нимъ какимъ образомъ отвратить народъ предавшійся злодѣю Разину. По долгомъ совѣщаніи присудили его, какъ клятвопреступника, какъ нарушителя закона и вѣрности Государю и отечеству отрѣшить отъ Церкви и предать анаѳемѣ; что̀ и было въ Москвѣ исполнено.

Стенька, предвидя ужасную погибель свою и ослабѣвающую шайку, отправился съ нею зимовать на Донъ, дабы тамъ изъ военныхъ поселянъ набрать людей и умножить свою шайку. Но отлученіе его отъ Церкви и преданіе анаѳемѣ, заставило козаковъ его ненавидѣть: Донской Атаманъ Корней Яковлевъ, воспользовавшись этимъ случаемъ поймать Стеньку и брата его Фролку, отправился съ обоими къ Государю въ Москву и, какъ отъ себя, такъ и отъ всего Донскаго войска, испрашивалъ у Государя прощенія себѣ и всѣмъ бывшимъ участникамъ въ бунтѣ. Великодушный Царь изрекъ всему Донскому войску и Атаману Корнею Яковлеву прощеніе. Разинъ, по изслѣдованіи дѣ-

ла, въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ былъ четвертованъ, а брашъ его Фролка казненъ.

ДОНСКАЯ ПѢСНЯ.

На зарѣ было на утренней,
На восходѣ красна солнышка,
На закатѣ свѣтла мѣсяца,
Не соколъ леталъ въ поднебесную,
Есаулъ гулялъ по насадику;
Онъ гулялъ, горе разгуливалъ,
Добрыхъ молодцевъ побуживалъ:
Вы вставайте, добры молодцы,
Пробуждайтесь отъ сна крѣпкаго!
Нездорово на Дону у насъ,
Помутился славный тихій Донъ,
Совершаны до Черна моря,
До Черна моря Азовскаго,
Помѣшался весь козачій кругъ;
Атамана больше нѣтъ у насъ!
Нѣтъ Степана Тимофѣевича,
По прозванью Стеньки Разина.
Поймали добра молодца,
Завязали руки сильныя,
Повезли въ Москву престольную,
И на славной красной площади
Отрубили буйну голову!...

Выписка изъ донесенія Помѣстнаго Приказа Подъячаго Наума Колесникова, посылаемаго въ

Персію съ шорговымъ Англичаниномъ Томасомъ Брейномъ: о взятіи Астрахани козакомъ — Стенькою Разинымъ, о смертоубійствахъ и грабежахъ его, и о походѣ сего злодѣя на Саратовъ — 1670, Сентября 26.

1670. Въ Астрахань де пріѣхали они въ прошломъ 1670-мъ году до Петрова дни за три недѣли, съ посломъ-де своимъ послалъ было Шахово Величество къ Царскому Величеству четыре аргамака да товаровъ всякихъ въ дарѣхъ; и послѣ де того пришелъ подъ Астрахань съ козаки воръ Стенька Разинъ и стоялъ только одни сутки, и за недѣлю де до Петрова дни въ ночи передъ свѣтомъ Астрахань взялъ приступомъ чрезъ измѣну, и боярина Князя Ивана Семеновича Прозоровскаго ранена вслѣлъ онъ Стенька спихнувъ съ роскату, а брата де его Стольника Князя Михайлу убили во время приступа на стѣнѣ, и послѣ де того побили дьяковъ и подъячихъ и Полковниковъ и головъ Стрѣлецкихъ и дворянъ Московскихъ и Астраханскихъ. Дворянъ же всѣхъ побили, а Стольника де Князь Семена Львова, который посланъ былъ съ ратными людьми изъ Астрахани противъ его Стеньки, привезли послѣ взятія Астраханскаго недѣлю спустя, а ратные де люди, которые были съ нимъ, всѣ измѣнили, а

головы и Полковники и всѣ начальные люди побиты, и поставили де его Князь Семена въ Астрахани на дворѣ за карауломъ, а онъ де Наумъ къ роскашу на площадь вывоженъ нагъ и убить де его воръ Стенька велѣлъ же было, да упросили объ немъ полоняники шесть человѣкъ, которыхъ онъ Наумъ вывезъ съ собою въ Астрахань изъ Персидскія земли, а письма де, которыя у него были, велѣлъ онъ Стенька передрать, и его Наума съ площади велѣлъ отпустить; а посолъ де Казылбамской со всѣми своими людьми, человѣкъ было со сто, заперлись было въ башнѣ, и сидѣлъ онъ посолъ въ башнѣ съ часъ, а послѣ того вышелъ изъ башни самъ съ немногими людьми, и его де привели на площадь же передъ роскашъ и безчестья де послу никакого не учинили и платья съ него ничего, кромѣ сабли, не сымали; а послѣ де того и всѣ бусурманы въ башнѣ сдались, и которые де живы въ руки козакамъ дашься не хошѣли, и тѣхъ побили, а которые де сдались, и тѣ живы, а животы посольскіе и аргамаки и торговыхъ людей животы всѣ разграбили и письма всѣ посольскіе передрали.

Да онъ же де воръ Стенька говорилъ Казылбамскому послу, чтобъ онъ писалъ отъ себя къ Шахову Величеству и послалъ человѣка нарочно, чтобъ Шахъ козаковъ его, которыхъ онъ къ нему послалъ и которые пойманы на

бояхъ, велѣлъ всѣхъ отпустить въ Астрахань; а какъ Шахъ козаковъ его отпустилъ, и онъ посла его и купчину, который нынѣ въ Астрахани, всѣхъ отпустилъ же.

И посолъ де хотѣлъ съ тѣмъ послать отъ себя толмача Аджидата, который бывалъ напередъ сего на Москвѣ въ купчинахъ, и буса де тому толмачу при немъ Наумѣ была изготовлена, а посланъ ли тотъ толмачъ, того онъ Наумъ не дождался.

А какъ де воръ Стенька взялъ Астрахань и жилъ въ Астрахани полчетверты недѣли и Астраханскіе де жители, которые Великому Государю измѣнили, приходя, говорили ему Стенькѣ: многіе де дворяне и приказные люди перехоронились, и чтобъ онъ позволилъ имъ сыскавъ ихъ побить, для того, какъ де отъ Великаго Государя будетъ въ Астрахань какая присылка, и они де имъ будутъ первые непріятели. И Стенька де имъ сказалъ: какъ де онъ изъ Астрахани пойдетъ, а они-бъ чинили такъ какъ хотятъ, а для де расправы оставливаетъ онъ имъ козака въ Атаманы Ваську Уса; и оставя де имъ того козака, изъ Астрахани пошелъ съ конными людьми сухимъ путемъ для орды, а пѣхоту отпустилъ въ судѣхъ, и конныхъ де людей пошло съ нимъ двѣ тысячи человѣкъ, а водянымъ путемъ пошло съ двѣсти струговъ и больше.

1670. А въ Астрахани де оставилъ Астраханскихъ жителей, которые измѣнили; половину-жь, да Донскихъ козаковъ съ десятка по два человѣка, а другую де половину Астраханцевъ и Московскихъ служилыхъ людей взялъ онъ воръ съ собою, а приказныя дѣла велѣлъ всѣ сжечь.

Да у него-жь де Стеньки въ войскѣ, съ которымъ онъ въ Астрахань пришелъ, большая половина межь Донскими хохлачей Черкасъ.

Да Стенька-жь де, какъ пошелъ изъ Астрахани, велѣлъ за собою идти виноградному струг у, который готовленъ про Великаго Государя, и онъ де Наумъ изъ Астрахани вышелъ межь людьми того-жь дни. Полковника Томаса вели съ человѣкомъ съ Андрюшкою и пришли на виноградный стругъ, сказався полоняниками и шли на томъ стругѣ до Царицына.

А съ Царицына де Стенька пошелъ на Саратовъ, а на Донъ отпустилъ отъ себя козаковъ Донскихъ и Московскихъ Стрѣльцовъ съ двѣ тысячи человѣкъ съ казною, которую пограбилъ въ Астрахани, да съ ними-жь послалъ въ Черкаской городокъ восемь пушекъ и въ Апаманѣхъ съ ними послалъ изъ Донскихъ козаковъ Якушки Гаврилова, да Фролку Минаева, а съ нимъ Стенькою къ Саратову пошло тысячь съ десять.

А онъ де Наумъ съ Полковниковымъ человѣ-

комъ съ Царицына степью на Донъ и пришли на Донъ къ городку къ Пяти-избамъ, и были де они въ томъ городкѣ два дни, и на праздникъ де Успенія Пресвятыя Богородицы былъ у козаковъ кругъ и въ кругу говорили, чтобъ имъ идти въ верхніе города къ Воронежу для воровства и чтобъ очистить путь для проѣзда съ запасы, и многіе де въ томъ, что идти, руки задавали и выбрали Атаманомъ Ивашка Толкача.

И какъ они изъ Пяти-избъ шли къ Коротояку, и въ верхнихъ де городкахъ Пяти-избскихъ козаковъ прихода ожидаютъ же и на рѣзъ идти хотятъ; а Полковникова де человѣка Андрюшку покинулъ онъ Наумъ, не доѣхавъ до Коротояки за день, съ бударами, которые стоятъ, а вверхъ идти не смѣютъ за воровствомъ, которое было на Рыбномъ.

Да при немъ же де Наумѣ, какъ онъ былъ въ Астрахани, воръ Стёпька оманатный дворъ весь распустилъ, и орды де Калмыцкія и Татарскія отъ Астрахани всѣ откочевали и оманатчики всѣ изъ Астрахани въ цѣлости выѣхали.

Да онъ же де Стенька Астраханскихъ жителей всѣхъ приводилъ за городомъ въ войскѣ ко кресту въ томъ: что имъ за Великаго Государя стоять и ему вору Стенькѣ и всему войску служить, а измѣнниковъ выводить. А

какъ де онъ ко кресту Астраханцевъ приводилъ, и въ то де время были у него въ войскѣ попы и кресты; а которые де священники его вора Стеньку обличали, и тѣхъ онъ одного посадилъ въ воду, а другому руку да ногу велѣлъ отсѣчь.

Да онъ же де воръ Стенька, на именины благовѣрнаго Государя Царевича и Великаго Князя Ѳеодора Алексѣевича, былъ въ гостяхъ у Митрополита, и съ нимъ было Ясауловъ и козаковъ человѣкъ со сто и больше.

А поста де онъ Стенька не имѣетъ, всегда ѣстъ мясо и держится богомерзкихъ шишанинскихъ дѣлъ.

А боярина де Князя Ивана Семеновича дѣти два сына повѣшены были за ноги и висѣли супики, и одного де большаго сына Князь Бориса, снявъ съ висѣлицы, велѣлъ воръ Стенька скинуть съ роскату, а меньшаго велѣлъ отдать мамери, а нынѣ де жена боярина Князя Ивана Семеновича на одномъ дворѣ вмѣстѣ за карауломъ съ Князь Семеномъ Львовымъ.

Да онъ же воръ Стенька повѣсилъ за ребра Ханова сына, котораго онъ же воръ взялъ въ полонъ въ Персидѣ, да Астраханскаго подъячего Алексѣя Алексѣева.

А былъ де онъ Наумъ въ Персидской посылкѣ и съ проѣздомъ полтора года, а въ Астрахани жилъ полшесты недѣли.

III.

1671. Опписка Государю Царю Алексѣю Михайловичу, Тотемскаго воеводы Андрея Непойцына: о объявленіи шамошнимъ жителямъ Царской грамоты, касательно истребленія разбойнической шайки и поиманія главнаго бунтовщика Стеньки Разина. — Писана въ 1671 году, Маія 31 дня.

1671. Государю Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцу, холопъ твой Андрюшка Непойцынъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ 1671 году въ 28 день Маія прислана твоя Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца грамота на Тошьму ко мнѣ холопу твоему изъ приказа Устюжскія четверти, за припискою дьяка Авраама Кощѣева, а въ той твоей Великаго Государя грамотѣ написано: милосшиваго всесильнаго Господа Бога помощію и заступленіемъ надежды Христіанскія Пресвятыя Богородицы и всѣхъ Святыхъ молитвами, а твоимъ Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодерж-

ца, и твоихъ Государскихъ благородныхъ чадъ, а нашихъ Государей, счастіемъ, Донскіе козаки Атаманъ Корней Яковлевъ и все Донское войско подъ Когольникомъ воровъ многихъ побили, и вора и измѣнника Стеньку Разина и его единомышленниковъ, которые съ нимъ пришли въ Когольникъ съ Царицына и на Дону къ его воровству пристали, взяли и его Стеньку привезли въ Черкаской, заковали въ кайдалы, а товарищевъ его единомышленниковъ воровъ же въ Когольникѣ и въ Черкаскомъ всѣхъ побили и перевѣшали, а его вора Стеньку послали къ тебѣ Великому Государю къ Москвѣ съ нимъ Атаманомъ съ Корнѣемъ Яковлевымъ съ товарищи Апрѣля во 2 день нынѣшняго 1671 года; а станишной Атаманъ Григорій Аѳанасьевъ съ товарищи по допросу сказали, что въ войскѣ на Дону во всѣхъ городкахъ козаки единомышленно всѣ служатъ тебѣ Великому Государю вѣрно. И твое твою Великаго Государя грамату велѣли-бъ мнѣ холопу твоему на Тотьмѣ служилымъ и посадскимъ и всякихъ чиновъ жилецкимъ людямъ, которые живутъ на Тотьмѣ и которые пріѣзжіе люди въ то время прилучатся, вычесть; а въ Тотемской уѣздъ во всѣ станы и волости къ земскимъ судейкамъ и къ старостамъ, и къ цѣловальникамъ послалъ съ тое твоей Великаго Государя грамоты списки, и велѣли бъ Тотемскаго уѣзда

крестьянамъ и бобылямъ по тому-жъ вычитать и сказывать всѣмъ вслухъ, чтобъ они ни на какія воровскія прелести не прельщались, да что прочтивъ твоего Великаго Государя указа у меня холопа твоего учинится, и о томъ бы къ тебѣ Великому Государю мнѣ холопу твоему отписать, а отписку велѣть подать въ приказѣ Устюжскія четверти, Думному твоему дворянину Ивану Севастьяновичу Большому Хитрово, да дьяку Аврааму Кощѣеву. И того-жъ, Государь, часа, какъ твоя Великаго Государя грамота ко мнѣ холопу твоему на Тотьму прислана, велѣлъ я холопъ твой на Тотьмѣ собрать къ съѣзжей избѣ Тотемцевъ посадскихъ и всякихъ чиновъ жилецкихъ людей, которые живутъ на Тотьмѣ и которые пріѣзжіе люди въ то время на Тотьмѣ прилучились, и твою Великаго Государя грамату велѣлъ имъ вычесть и сказывалъ всѣмъ вслухъ, чтобъ они всякихъ чиновъ жилецкіе и пріѣзжіе люди, ни на какія воровскія прелести не прельщались: и Тотемцы, Государь, посадскіе и всѣхъ чиновъ жилецкіе и пріѣзжіе люди, которые въ то время на Тотьмѣ прилучились, выслушавъ твою Великаго Государя грамату, возрадовалися: и въ Тотемской, Государь, уѣздъ, во всѣ станы и волости къ земскимъ Судейкамъ и къ старостамъ и цѣловальникамъ съ тое твоей Великаго Государя грамоты послалъ списки того-жъ

числа, и велѣлъ я холопъ твой Тотемскаго уѣзда крестьянамъ и бобылямъ вычитать и сказывать всѣмъ вслухъ, чтобъ они ни на какія воровскія прелести не прельщались. А сію отписку къ тебѣ Великому Государю Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцу къ Москвѣ послалъ я холопъ твой съ Тотемскимъ Приставомъ съ Мишкою Поповымъ, нынѣшняго 1671, Маія въ 31 день, и велѣлъ ему Приставу явиться и сію отписку подать въ приказѣ Устюжскія четверти твоему Государеву думному дворянину Ивану Севастьяновичу Большому Хитрово, да дьяку Аврааму Кощѣеву.

Къ сей отпискѣ приложена была восковая печать. Надпись и помѣта слѣдующія: Государю Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцу.

1671 Іюля 24 день подалъ отписку Тотемской Приставъ Мишка Поповъ.

Взято къ отпуску.

Извѣстительная грамата Государя Царя Алексѣя Михайловича Вологодскому и Бѣло-озерскому Архіепископу Симону: о явившемся вновь въ Астрахани послѣ казненнаго Стеньки Разина другомъ бунтовщикѣ, Донскомъ козакѣ Ѳедькѣ Шелудякѣ съ товарищами, о поиманіи и убіеніи ихъ при походѣ въ Симбирскъ, объ отняшіи у

злодѣевъ Астрахани и о принесеніи за сію дарованную побѣду благодарственнаго Богу молебствія. — Писана 1672, Генваря 23 дня.

1672. Отъ Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца на Вологду богомольцу нашему Преосвященному Симону Архіепископу Вологодскому и Бѣло-озерскому. Въ прошломъ . . . . . по нашему Великаго Государя указу, къ тебѣ богомольцу нашему Симону Архіепископу писано о ворѣ и измѣнникѣ и клятвопреступникѣ о Стенькѣ Разинѣ и о его воровствѣ, и что онъ за то воровство четверпованъ; а послѣ того оставшіе воры въ Астрахани, увѣдая, что заводчикъ ихъ всякому злу тотъ воръ измѣнникъ и клятвопреступникъ Стенька Разинъ привезенъ къ Москвѣ, собрались тѣ воры вновь, Донской козакъ Ѳедька Шелудякъ и пошли изъ Астрахани къ Симбирску, и отшедъ Астрахани, учиня себѣ кругъ и приговорили Астраханскаго Іосифа Митрополита и воеводу Князя Семена Львова убить, чтобъ имъ въ Астрахани впредь имѣть надежное пристанище, пошли съ дороги въ Астрахань къ вору Васькѣ Усу съ товарищи, будто тотъ Митрополитъ и Князь Семенъ ссылаются съ Донскими козаками и по тому ихъ письму воръ

Стенька Разинъ пойманъ, а надъ ними де промышляютъ всякое зло. И Астраханскіе жители, не позная ихъ лукавства, по тому ихъ письму, того Архіерея взяли дерзновенно, безо всякаго страха, и отъ сана Архіерейскаго обнажи и всячески мучили, и по многихъ мукахъ то мученическое Архіерейскаго тѣло съ роскашу бросили, а Князю Семену Львову по многихъ мукахъ голову отрѣзали: также и дворянъ и дѣтей боярскихъ и приказныхъ и всякихъ чиновъ людей, которые будучи въ Астрахани, намъ Великому Государю служили, всѣхъ побили. И о томъ о всемъ они изъ Астрахани къ тому вору къ Ѳедькѣ Шелудяку писали, и онъ Ѳедька, угодникъ дьявола, обрадовался тому убіенію, пошелъ надежно подъ Симбирскъ, чтобъ имъ безъ остатку разорить: но человѣколюбецъ Господь Богъ, по неизрѣченной своей милости, молитвъ ради Машери своея, скорой Христіанской помощницы Пресвятыя Богородицы, невидимо силою своею, малымъ числомъ нашимъ Великаго Государя шѣхъ воровъ многія тысячи побили, и остаточные воры не многіе побѣжали въ Астрахань и учинили себѣ такого выше именованнаго вора Ѳедьку Шелудяка въ Астрахани Начальнымъ человѣкомъ, а прежній губитель православныхъ Христіанъ, тотъ Васька Усъ, злою смертію скончался. И по нашему Великаго Государя Указу, посланъ бояринъ нашъ

и воевода, Иванъ Богдановичъ Милославскій, а съ нимъ головъ Московскихъ Стрѣльцовъ, да Солдатской полкъ и Стрѣльцы; а велѣно ему, прося у Господа Бога милости и у Пресвяшыя Богородицы помощи и у всѣхъ Святыхъ ходатайства, надъ Астраханью промыслъ чинить, чтобъ воровъ отъ воровства унять: и воры изъ Астрахани чинили вылазки и на тѣхъ вылазкахъ они воры побиты, а иные отъ ранъ померли. И въ нынѣшнемъ во ѱи (1672) году, Генваря въ 1 день къ намъ Великому Государю писали изъ Астрахани бояринъ нашъ и воевода Иванъ Богдановичъ Милославскій. Ноября въ 27 день, милостію Божіею и Пресвяшыя Богородицы помощію, въ праздникъ честнаго и славнаго ея Знаменія, и молитвами и ходатайствомъ ко всемогущему Богу дивныхъ въ чудесахъ Николая Мирликійскаго и Сергія Радонежскаго и всѣхъ Святыхъ, а счастіемъ насъ Великаго Государя и нашихъ Государскихъ благородныхъ чадъ, благовѣрнаго Царевича и Великаго Князя Ѳеодора Алексѣевича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи, и благовѣрнаго Царевича и Великаго Князя Іоанна Алексѣевича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи, тѣ воры Астраханскіе сидѣльцы намъ Великому Государю били челомъ и честный крестъ цѣловали, и всѣ изъ города вышли съ образомъ Пресвяшыя Богородицы и при томъ образѣ слезно просили, чтобъ мы

Великій Государь вины ихъ великія и смерти достойныя велѣли имъ отдать; а они, по своимъ злымъ дѣламъ, достойны всѣ смертнаго посѣченія, и о тѣхъ ихъ великихъ смертныхъ винахъ какъ намъ Великому Государю Богъ извѣститъ. И по тому ихъ многому слезному прошенію, бояринъ нашъ и воевода Богданъ Ивановичъ Милославской съ нашими Великаго Государя ратными людьми пошелъ въ Астрахань, устроясь ратнымъ ополченіемъ, и бывъ въ соборной церкви, соверша молебное пѣніе, пришелъ въ приказную палату, взялъ печать Царства Астраханскаго и пороховую и свинцовскую казну тою печатью запечаталъ, и караулы по воротамъ и по башнямъ поставилъ противъ прежняго, какъ-бы до воровскаго разоренія. И мы Великій Государь указали къ тебѣ богомольцу нашему къ Преосвященному Симону Архіепископу Вологодскому и Бѣло-озерскому о томъ писать, чтобъ на Вологдѣ и Вологодскомъ уѣздѣ всякихъ чиновъ людемъ о томъ было вѣдомо. И какъ къ тебѣ ея наша Великаго Государя грамота придетъ и ты-бъ, богомолецъ нашъ, Преосвященный Симонъ Архіепископъ, молилъ всемогущаго Бога и заступницу Христіанскую Пресвятую Богородицу и всѣхъ Святыхъ о насъ Великомъ Государѣ и о нашей Государевѣ супругѣ благовѣрной Царицѣ и Великой Княгинѣ Наталѣ Кириловнѣ, и о на-

шихъ Государскихъ благородныхъ чадахъ, о благовѣрномъ Государѣ Царевичѣ и Великомъ Князѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи и о благовѣрномъ Государѣ Царевичѣ и Великомъ Князѣ Іоаннѣ Алексѣевичѣ всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи, и о благородныхъ Царевнахъ; а о такой великой радости воздавали хвалу въ Троицѣ славимому Богу и пречистѣй Богородицѣ и всѣмъ Святымъ, что Господь Богъ даровалъ на враги побѣду и одолѣніе, и тѣхъ измѣнниковъ нашихъ Государскихъ и губителей Христіанскихъ покорилъ намъ Великому Государю подъ нозѣ, и для вѣдома о томъ въ наши Государскія богомолья во всѣ монастыри своей Епархіи велѣлъ послать свои іерейскія грамоты. А съ сею нашего Великаго Государя грамотою посланъ жилецъ Ѳеодоръ Горяиновъ. Писана на Москвѣ, лѣта зрй (1672) Генваря въ кг҃. (23) день.

На оборотѣ по склейкѣ листовъ: Дьякъ Иванъ Патрикѣевъ. — Справилъ Ивашка Юдинъ.

Надпись: на Вологду богомольцу нашему Преосвященному Симону, Архіепископу Вологодскому и Бѣло-озерскому.

рк҃ (1672) Февраля въ и҃ (8) день, подалъ Великаго Государя грамату жилецъ Ѳеодоръ Горяиновъ. — Изъ Новгородскаго приказа.

2007113187